

Л. Н. ТОЛСТОЙ

О «ПИСЬМЕ БЕЛИНСКОГО К ГОГОЛЮ»

МАРГИНАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ И ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ

Сообщение С. Брейтбурга*

Дошедшие до нас суждения Толстого о Белинском свидетельствуют о глубоком знакомстве великого писателя с трудами критика. Однако в Яснополянской библиотеке Толстого среди многих тысяч книг сочинения Белинского представлены лишь тремя случайными и совершенно не авторитетными в научном отношении изданиями. Издания эти следующие:

1. Систематическое собрание сочинений В. Г. Белинского. Основания его критики и отзывы о выдающихся произведениях литературы. СПб., изд. Н. Зинченко, 1900. Выпуски: I (VIII+144 стр.); II (176 стр.); III (88 стр.) и IV (186 стр.)¹.

2. Виссарион Белинский. Литературные мечтания Элегия в прозе. Полное издание с портретом автора и предисловием. Киев, изд. «Гонг» (Библиотека «Гонга» (№ 1—2))².

3. В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. С пред. С. А. Венгерова. Второе изд. СПб., «Светоч», 1906 (Библиотека «Светоча», № 5)³.

Первое из указанных изданий не носит никаких следов чтения, а брошюра «Литературные мечтания» осталась даже не разрезанной. Зато текст знаменитого «Письма» Белинского к Гоголю усеян многочисленными пометами Толстого. Из четырнадцати страниц указанной брошюры, занятых «Письмом», пять — испещрены толстовским карандашом.

Несомненно, Толстой неоднократно читал «Письмо» и ранее. Об этом свидетельствуют его слова, записанные одним из мемуаристов: «Когда я перечитываю Гоголя, то всегда перечитываю его „Переписку с друзьями“, далеко не оцененную Белинским»⁴. По признанию самого Толстого в 1887 г., он «перечел» «Переписку» Гоголя «3-й раз в жизни»⁵. Безусловно тогда же Толстой перечел и письмо Белинского, использованное им в незаконченном предисловии к брошюре А. И. Орлова «Н. В. Гоголь, как учитель жизни» (1888 г.)⁶.

В марте 1909 г., собираясь писать статью о Гоголе для мартовского номера журнала «Жизнь для всех», Толстой снова перечел сочинения Гоголя и в том числе, по своему обыкновению, «Выбранные места из переписки с друзьями». Обращение к этому

* Рукопись настоящего сообщения была представлена автором в редакцию «Литературного наследства» еще в январе 1948 г. В редакционном предисловии к 55-му тому («В. Г. Белинский. I»), вышедшему в 1948 г., было объявлено, что во второй книге С. Брейтбургом публикуются неизданные маргиналии Л. Н. Толстого на полях принадлежащего писателю отдельного издания «Письма Белинского к Гоголю» (стр. VII).

В сборнике «Белинский — историк и теоретик литературы» (изд. АН СССР), вышедшем в 1949 г., напечатана статья И. Успенского «Письмо Белинского к Гоголю и Л. Н. Толстой», в которой также использован, независимо от С. Брейтбурга, архивный источник, послуживший основным материалом для данного сообщения, написанного более двух лет тому назад.

Публикуемое ниже сообщение С. Брейтбурга дает несколько более исчерпывающее описание пометок Толстого. Р е д.

произведению заставило его еще раз тщательно перечитать и «Письмо» Белинского. Именно к этому времени относятся пометы Толстого на издании, сохранившемся в Яснополянской библиотеке. Помимо косвенных соображений, наше предположение документально подтверждается и надписью Д. П. Маковицкого на обложке брошюры: «С отметками Льва Николаевича летом 1909». Точность датировки Маковицкого вызывает сомнение только в одном пункте: совершенно очевидно, что пометы Толстого относятся не к лету, а к ранней весне 1909 г.

Пометы Толстого на тексте «Письма» Белинского сводятся только к отчеркиванию на полях тех или иных строк «Письма» и параллельному подчеркиванию отдельных выражений; отсутствуют даже буквенные обозначения (обычные у Толстого), которые можно было бы расшифровать. Единственным «эмоциональным» проявлением читательского восприятия «Письма» Толстым остались два вопросительных знака на одной из страниц. Таким образом, смысл помет Толстого может быть раскрыт лишь гипотетически, хотя с большой долей вероятия. Отношение Толстого к «Письму» было, несомненно, противоречивым, но в то же время и закономерным. Одни толстовские пометы носят явно сочувственный характер; другие, наоборот, — резко отрицательный.

К первой из этих категорий (положительной) принадлежит помета, относящаяся ко второму абзацу «Письма». Отчеркнув на полях страницы 11-й четыре строки (начиная с третьей сверху) и подчеркнув (набранные ниже разрядной) слова трех последующих строк, Толстой выделил этим способом следующее суждение Белинского:

«Ей <России> нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение».

Сосредоточенное внимание Толстого к этим строкам было вызвано, разумеется, антиклерикальной тенденцией данного суждения, содержащейся в нем критикой политического бесправия масс и стремлением к повышению морального самосознания в народе. Объективным доказательством того, что Толстой отнесся к процитированным словам Белинского сочувственно, служат его высказывания в упомянутой юбилейной статье о Гоголе. В одной из ее черновых редакций читаем: «Главное несчастье всей деятельности Гоголя — это его покорность <...> существующему русскому церковному учению и тогдашнему русскому государственному устройству». В другом варианте той же статьи Толстой еще резче упрекает Гоголя в «оправдании и даже восхвалении отживших даже в его время суеверий церковного и государственного»⁷.

Бесспорно одобрительную оценку содержала и вторая помета Толстого, сохранившаяся на странице 12-й «Письма». Текст этой, как и предыдущей, страницы содержал гневный протест Белинского против мракобесно-крепостнической проповеди «кнута», «невежества» и «деспотизма», негодующий протест против ханжества и лицемерия этой книги, в которой автор, по словам Белинского, «во имя Христа и церкви учит варвара помещика наживать от крестьян больше денег, учит их ругать побольше...» В этом контексте Толстой выделил отчеркиванием на полях следующие строки (10—14-я сверху):

«И после этого вы хотите, чтобы верили искренности направления вашей книги! Нет! если бы вы действительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова учения — совсем не то написали бы в вашей новой книге».

Внимание Толстого привлек, таким образом, общий альтернативный вывод Белинского из его разоблачительной критики реакционной утопии Гоголя. Следует, однако, отметить, что Толстой, повидимому, мысленно сохранил для себя прямой фразеологический смысл выражений «истина Христова» и «дьяволово учение» (выражений, столь часто употреблявшихся им самим). Но Белинский заимствовал эти выражения у самого Гоголя, заимствовал с определенными полемически-разоблачительными целями

Съ отпечатками Льва Нико
Вибліотека «СВѢТОЧА» Льва Никола
подъ редакціей С. А. Венгерова.
Минскъ, 1909

Серія: «Избранныя произведения полемическаго характера». № 2.
№ 5.

В. Г. Бѣлинскій.

Письмо къ ГОГОЛЮ.

Съ предисловіемъ С. А. Венгерова.

2-ое изданіе.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Вивекс, Елагинскій пр., д. 15.
1906.

Цѣна 10 коп.

уже ли въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣнн у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русский народъ рассказываетъ похабную сказку? Про попа, попадаю, попоу дочь и попова работника. Не есть ли попу, на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скуности, низопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По вашему, русский народъ самый религиозный въ мірѣ: лоды! Основа религиозности есть платанъ, благоговѣніе, страхъ божій. А русский человекъ произноситъ имя Бога, почесывая себя . . . Онъ говорить объ образѣ: годится—молиться, а негодится—горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религиозности. Суевѣріе проходитъ съ усгѣхами цивилизации, но религиозность часто уживается съ ними: живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многие, отголосившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русский народъ не таковъ; мистическая экзальтациа не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судьбъ его въ будущемъ. Религиозность не прививалась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отбѣланныхъ, исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною эстетическою созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брехами, схоластическимъ педантизмомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ

ЭКЗЕМПЛЯР ИЗДАНИЯ ПИСЬМА БЕЛИНСКАГО К ГОГОЛЮ ИЗ ВИБЛИОТЕКИ Л. Н. ТОЛСТОГО
С СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ПОМЕТАМИ ПИСАТЕЛЯ

Надпись на титульном листе сделана Д. П. Маковичким
Музей-усадебъ Л. Н. Толстого, Ясная Поляна

В контексте «Письма» оба выражения приобрели новый, переносный смысл: «истина Христова» обозначала здесь противоположность фарисейству, «дьяволово учение» — идеологию крепостнической реакции и обскурантизма.

Последнее из сочувственно отмеченных Толстым мест находится на странице 16-й обзораемой брошюры: оно обширнее предыдущих и занимает около двадцати строк (10—28-я сверху). Здесь Белинский, вопреки мнению самого Гоголя, отказывая его новой книге в оригинальности, обвиняет ее в эпигонстве идеологам казенной народности, включая сюда и таких мракобесно-юродствующих представителей этой «идеологии», как пресловутый редактор «Маяка» Бурачек. Белинский заключает:

«Конечно, в вашей книге более ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях; но зато они развили общее им с вами учение с большей энергией и с большей последовательностью, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как вы, желая поставить по свечке и тому и другому, впали в противоречие, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театры, которые, с вашей точки зрения, если бы вы только имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее гибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в вас искренности подобных убеждений».

Эта обличительная тирада критика отчеркнута Толстым — и отчеркнута по причине несомненного согласия его с Белинским. В справедливости такого предположения убеждают нас два обстоятельства. Во-первых, в приведенном отрывке противопоставление Белинским «просветительских» гоголевских писем «религиозным» соответствует их дифференциации со стороны самого Толстого — вплоть до сходства в некоторых случаях и качественных их оценок. Так, например, главы «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве» и «О том же» были оценены Толстым низшими баллами — нулями, а глава «О театре» — пятеркой⁸. Во-вторых, Толстой также указывал на взаимоотношения, а не самостоятельный характер реакционных взглядов писателя, на народность и на взаимоотношения народа и самодержавной власти. «Гоголь же был даже не самобытным софистом, а усвоил все сложные и искусственные софизмы славянофилов того времени», — писал Толстой в черновой редакции статьи о Гоголе 1909 г.⁹

Две остальные пометы на яснополянском экземпляре «Письма» Белинского фиксируют отрицательное восприятие Толстым соответствующих мест текста.

Первая помета на странице 17-й. Она относится к небольшому по размеру отрывку всего в пять строк (8—12-я снизу), но он весьма энергично отмечен Толстым: не только отчеркнут на полях, но частично и подчеркнут (подчеркивание выделено ниже разрядкой). Констатируя здесь, что в условиях политической отсталости страны, скованной гнетом самодержавной власти и крепостнического рабства, единственной формой выражения передовых оппозиционных настроений общества является литература, «несмотря на татарскую цензуру», Белинский заключал:

«... (вот) почему у нас так легок литературный успех даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже в а т м и л о м и ш у р у эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается <общим вниманием всякое так называемое либеральное направление>...»

Что же вызвало здесь у Толстого такую энергичную читательскую реакцию? Вряд ли можно сомневаться, что причиной ее послужила высокая оценка Белинским общественного назначения литературы и ее деятелей. У Толстого, как известно, была на этот счет совершенно противоположная точка зрения, многократно высказывавшаяся им не только в таких специальных произведениях, как трактат «Что такое искусство», но и в публицистических сочинениях. А в «Исповеди», саркастически отзываясь о моральных устоях литераторов, Толстой использует почти дословно выражение из подчеркнутого им текста «Письма»; патетические слова Белинского: «титло поэта, звание литератора» он заменяет здесь иронической перифразой: «чин художника, поэта»¹⁰.

Вторая помета полемического характера находится на 14-й странице. Помета относится к тому месту «Письма», где Белинский, гневно и резко возражая Гоголю, отрицает утверждение последнего о религиозности русского народа. Это место привлекло, повидимому, наиболее пристальное внимание Толстого и вместе с тем вызвало его основной протест против «Письма».

Страница 14-я испещрена более чем наполовину пометами Толстого. При этом соответствующие строки были отмечены в несколько приемов. В итоге получилась прерывистая черта, выделившая следующий отрывок текста:

«И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе... Он говорит об образе: *годится — молиться, а не годится — горшки покрывать*.

Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации, но религиозность часто уживается с ними; живой пример — Франция, где и теперь много искренних католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога».

Сначала Толстым были отчеркнуты пять строк этого текста — начиная с восьмой строки (сверху) 14-й страницы описываемого издания. Затем он обвел последующие десять строк и поставил на полях против них вопросительный знак. Наконец, были отчеркнуты еще пять смежных строк; сверх того, внутри них были подчеркнуты слова «за какого-то бога» и отмечены на полях знаком вопроса.

Полемический характер всех этих помет не подлежит сомнению и объясняется диаметральной противоположностью взгляда Толстого на данный вопрос. Из многочисленнейших его высказываний на эту тему достаточно сослаться хотя бы на следующие утверждения в «Исповеди». Повествуя о пережитом им в 1880-х годах духовном «перевороте» и о попытках его разрешения, Толстой писал: «Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обращался к нему и к тому смыслу, который он придает жизни... Смысл этот народ черпает из всего вероучения, переданного и передаваемого ему пастырями и преданиями... Суеверия же верующих из трудового народа были до такой степени связаны с их жизнью, что нельзя было себе представить их жизни без этих суеверий, — они были необходимым условием этой жизни... в их среде едва ли один неверующий на тысячи»¹¹.

Сохранились и прямые, непосредственные доказательства резко отрицательного отношения Толстого к приведенной выдержке из «Письма». Первое доказательство содержится в упомянутом выше предисловии Толстого к книге Орлова о Гоголе 1888 г. Причисляя в ней Белинского к тем современникам писателя, которые стояли «на низком нравственном уровне» (в специфически толстовском понимании нравственности), Толстой цитирует именно это же место «Письма» — но в подцензурной его редакции: «Белинский первый осудил Переписку и... сказал: „... по-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! В русском народе много суеверий, но нет и следа религиозности. Русский народ скорее можно похвалить за его образцовый индифферентизм в деле веры; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; вот в этом-то может быть и заключается огромность исторических судеб его в мире...“»¹²

Второе доказательство — запись Толстого в дневнике, совпадающая по времени с его статьей о Гоголе 1909 г. В не изданной еще части дневника под датой 7 марта 1909 г. Толстой с недовольством говорит о «презрительном упоминании <Белинским> о каком-то боге»¹³, — точно воспроизводя, таким образом, тогда же подчеркнутое им и снабженное вопросительным знаком выражение в тексте приведенного отрывка из «Письма».

Противоречивое отношение Толстого к «Письму» Белинского в конечном счете определялось контрастом между толстовской позицией «патриархального, наивного крестьянина» (по ленинскому определению)¹⁴, с одной стороны, и революционной сущ-

ностью «одного из лучших произведений бесцензурной демократической печати...» (как назвал письмо великого критика к Гоголю Ленин же)¹⁵ — с другой.

Вот почему, соглашаясь с некоторыми критическими высказываниями автора «Письма», Толстой, однако, предпочитал ему адресата, видя «преимущество» Гоголя перед Белинским в религиозности первого (хотя бы и клерикальной) по сравнению с атеизмом последнего.

Что именно такова была позиция Толстого по отношению к знаменитому спору Белинского с Гоголем — позиция, закономерно обусловленная общим толстовским мировоззрением последнего периода, тому есть два прямых документальных доказательства.

Доктор Д. П. Маковицкий записал 6 октября 1907 г.: «Л. Н. сказал о письме Белинского к Гоголю: „Очень неважное письмо. Разумеется, с точки зрения ума Белинский доказал, а с религиозной точки зрения...“ (далее я не расслышал)¹⁶ — не решился закончить от себя пунктуальный мемуарист. Но не трудно, конечно, уозаключить, что в нерасслышанных словах содержалось резкое несогласие Толстого с материалистическими и атеистическими взглядами Белинского, столь ярко выраженными в «Письме».

Еще выразительнее и полнее свидетельствует об этом неизданная дневниковая записка самого Толстого от 7 марта 1909 г. (частично цитированная выше). Вот ее текст: «Как Гоголь прав в своем безобразии и как Белинский кругом неправ в своем блеске с своим презрительным упоминанием о каком-то боге... Гоголь ищет бога в церковн<ой> вере, где он извращен, но ищет все-таки бога; Бел<инский> же благодаря вере в науку столь же, если не более нелепую, чем церк<овная> вера, стоит вспомнить Гегеля с его Alles was ist, ist vernünftig*, и несомненно, еще более вредную, не нуждается ни в каком боге»¹⁷.

Дневниковая записка Толстого, как и его пометы на страницах яснополянского экземпляра «Письма» Белинского, дают дополнительный материал, выразительно иллюстрирующий одну из антитез знаменитой ленинской формулы о «кричащих противоречиях» Толстого: «С одной стороны, самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению...»¹⁸

При чтении Толстым «Письма» Белинского у него возник даже новый замысел специальной статьи. В той же неопубликованной дневниковой записи от 7 марта 1909 г. читаем: «Много думал о Гог<оле> и Белинском. Очень интересное сопоставление... Какая тема для нужной статьи!»¹⁹ О Гоголе Толстой, как упоминалось, написал две отдельные заметки. Но возникшую тогда в его творческом сознании тему «нужной статьи», в которой бы были сопоставлены Гоголь и Белинский, Толстому не удалось реализовать. Однако молчаливые, но выразительные пометы его на яснополянском экземпляре «Письма» Белинского дают некоторое представление об этом неосуществленном замысле Толстого.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Архив Музея-усадыбы «Ясная Поляна», шкап XIII, полка 3-я.

² Там же, шкап XV, полка 4-я.

³ Там же, шкап XVII, полка 5-я.

⁴ С. С п и р о. Беседы с Л. Н. Толстым, М., 1911, стр. 13. Возможно, что слова Толстого переданы автором не с текстуальной точностью, но подвергать сомнению достоверность данного свидетельства нет оснований.

⁵ Письмо к В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову от 10 октября 1887 г. — Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., под общ. ред. В. Г. Черткова, т. 86, М., 1937, стр. 89.

⁶ Ср. там же, т. 26, М., 1936, стр. 650—651.

⁷ Там же, т. 38, М., 1936, стр. 280.

⁸ Пометки при перечитывании «Выбранных мест из переписки с друзьями». — Там же, стр. 52.

⁹ Там же, стр. 280.

* Все действительно разумно.

¹⁰ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., под ред. П. И. Бирюкова, т. XV, М., 1913, стр. 9.

¹¹ Там же, стр. 36—37.

¹² Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., под общ. ред. В. Г. Черткова, т. 26. М., 1936, стр. 650—651.

¹³ Рукописный отдел Гос. Толстовского музея (Москва).

¹⁴ В. И. Ленин. Л. Н. Толстой. — Соч., изд. 4-е, т. 16, М., 1948, стр. 295.

¹⁵ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. — Соч., изд. 4-е, т. 20, М., 1948, стр. 224.

¹⁶ Неопубликованная часть записок Д. П. Маковицкого (из собрания Н. Н. Гусева). За право пользования этой рукописью и некоторые справки приношу благодарность Н. Н. Гусеву.

¹⁷ Рукописный отдел Гос. Толстовского музея (Москва).

¹⁸ В. И. Ленин. Лев Толстой, как зеркало русской революции. — Соч., изд. 4-е, т. 15, М., 1947, стр. 180.

¹⁹ Рукописный отдел Гос. Толстовского музея (Москва).